

Главный управляющий У слегка взмахнул пышной кистью фучэня и указал на самого щуплого из мальчишек — Кон Цзяцзы:

— Вот этот.

Кон Цзяцзы судорожно сжал нож, едва не порезав собственную ладонь.

Внешне он оставался совершенно невозмутимым, взгляд его потух, словно он вовсе не понял, что произошло.

А вот сопровождавший их евнух так и ахнул:

— Ох, управляющий У, но почему именно он?

У Си раздражённо вскинул фучэнь и холодно хмыкнул:

— Дерзость! Разве тебе решать, кого мне выбирать?

Евнух тут же легонько ударил себя по губам:

— Простите мою глупую болтовню, управляющий У! Дело в том, что... — он боязливо огляделся по сторонам и, прикрыв рот ладонью, заговорщицки прошептал: — Он ведь... выживший отпрыск того самого семейства Кон, которое вырезали десять лет назад...

У Си медленно посмотрел на Кон Цзяцзы.

— Вот как? — Он иронично улыбнулся. — Что ж, тогда возьмём другого... — Он ещё раз с ног до головы оглядел мальчика и усмехнулся: — А этого побереги. Как только оскопят — сразу ко мне в покои.

— Слушаюсь, — отозвался евнух.

Он искоса зыркнул на Кон Цзяцзы странным, двойственным взглядом, в котором мешались злорадство и какая-то извращённая зависть.

Кон Цзяцзы внутренне подобрался.

В итоге главный управляющий У остановил выбор на другом маломерке — том самом парнишке, которого Кон Цзяцзы недавно припугнул. Услышав, что выбрали его, малец расплылся в самодовольной ухмылке. Ему явно казалось, будто он увёл у соперника счастливый билет.

Кон Цзяцзы холодно проводил его взглядом, прикрыл глаза и низко опустил голову, пряча мысли от чужих глаз.

Сделав выбор, У Си развернулся и ушёл, не проронив больше ни слова. Судьбы безродных сирот его нимало не заботили.

Когда евнух повёл счастливого к выходу, тот, проходя мимо Кон Цзяцзы, злорадно прошипел под нос:

— Ну, погоди у меня.

Кон Цзяцзы прекрасно понимал, что этот дуралей затаил обиду. Он едва заметно усмехнулся:

— Жду не дождусь.

Пути их разошлись, увлекая каждого навстречу собственной участи.

Лишь через несколько дней Кон Цзяцзы узнал, как звали того мальчишку.

Узнал вместе с известием о его смерти.

За прошедшее время жизнь вокруг заметно изменилась.

Во-первых, сытные обеды с белым рисом, которые им давали несколько дней подряд, придали ему сил. Когда в желудке есть еда, человек крепнет. Кон Цзяцзы уже не шатался от порывов ледяного ветра, а его пальцы держали нож всё увереннее. Теперь он не сомневался: доведись ему сойтись с обычным взрослым человеком, он без колебаний перережет тому глотку.

Во-вторых, им наконец-то позволили помыться, выдали чистое платье и перевели в добротное, тёплое жильё, где из щелей не сквозило. Теперь можно было не бояться простуды, а ведь хворь в этих стенах равнялась смертному приговору.

И в-третьих...

Он наконец выяснил, как зовут их надзирателя. От вечно ворчащих евнухов-уборщиков, что мели двор, он прослышал, что того величают евнухом Гумем.

Характер у евнуха Гуя был скверный, за все дни он ни разу не одарил сирот добрым словом. Сегодня же он явился чернее тучи и с порога разразился бранью:

— Решили, поди, что бога за бороду ухватили? Ещё оскопить не успели, а уже к высокому господину пристроили! И что в итоге? Не прошло и пары дней, как этот паршивец умудрился так нагрешить! Собаке собачья смерть!

Заметив на лицах испуганных детей недоумение, евнух Гуй злорадно хмыкнул:

— Сяо Маньтоу этот едва предстал перед Тринадцатым принцем, как тут же втёрся в доверие и даже выпросил себе имя. Да только жадность сгубила дурака. Проведал, что хозяин его не в чести у государя, и решил подзаработать — продался чужим людям. Его поймали с поличным прямо на глазах у принца. Тот долго думать не стал... велел забить воришку палками насмерть.

Он зловеще процедил последние слова и с явным удовольствием оглядел вжавших головы в плечи сирот. Шагнув вперёд, он бесцеремонно схватил за щёку стоявшего ближе всех мальчишку:

— Ну вот, щёки округлились, жирком заплыли. Через пару дней отправим вас под нож.

Кон Цзяцзы молча наблюдал со стороны. Он заметил, что евнух Гуй упорно избегает смотреть на него, хотя стоял совсем рядом. Более того, тот сначала потянулся было к его лицу, но на полпути одёрнул руку и переключился на другого.

Что же его так пугало?

В памяти Кон Цзяцзы всплыло высокомерное, властное лицо главного управляющего У.

А вместе с ним — злосчастный Сяо Маньтоу. Кон Цзяцзы вспомнил, как тот смотрел с завистью и торжеством, когда прозвучало его имя. Полнившееся ядом и глупой спесью «ну, погоди у меня» до сих пор звенело в ушах. И вот теперь этого человека больше нет...

Впрочем, вполне ожидаемо.

Первая птица всегда ловит стрелу. Пытаться высунуться из гнезда, не имея ни ума, ни хитрости, чтобы увернуться от беды — чистой воды безумие. Не подход бы сегодня, так завтра точно бы свернули шею.

Кон Цзяцзы выкинул мертвеца из мыслей — не стоило тратить на него силы. Куда больше его занимал управляющий У...

Он слегка прикусил губу.

Дворец Биюань

Тринадцатый принц Му Юаньюн больше не носил девичьих косичек и грязных девичьих платьев. Теперь на нём красовалось чистое, расшитое шёлком одеяние, подобающее сыну императора.

В тот памятный день, когда он рыдал у пруда Цзинъюй, дежурный евнух вытащил его из-под моста. Каким бы заброшенным ни был ребёнок, формально он считался «Тринадцатой принцессой», и слуги не смели перечить царственной особе. По счастливой случайности мимо пруда как раз проходил сам император. Услышав детский плач, государь из любопытства свернул к воде.

Маленький Му Юаньюн не растерялся: он мёртвой хваткой вцепился в ногу венценосного отца и, заливаясь слезами, поведал, как его годами заставляли носить женское платье, а слуги и евнухи издевались над ним.

Для пущей убедительности он присочинил, будто его умышленно столкнули в холодные воды пруда Цзинъюй.

Новость о том, что всем известная Тринадцатая принцесса на самом деле оказалась принцем, да ещё и подвергалась смертельной опасности со стороны обнаглевшей челяди, привела императора в бешенство. Несколько евнухов из дворца Биюань тут же отправились на плаху, а чудом уцелевшему сыну пожаловали золото и шелка, окружив его временной заботой.

Но милость продлилась ровно два дня. Му Юаньюн загнул пальцы: ровно столько он пробыл любимым сыном своего отца, прежде чем о нём снова благополучно забыли.

Императорская благосклонность... пустой звук, растаявший без следа. В конце концов, для ненужного отпрыска пол значения не имел: что девка, что парень — обуза для двора.

Вспомнив о вчерашнем Сяо Маньтоу, Тринадцатый принц тихо вздохнул — то ли с сожалением, то ли с досадой. Позади него, в глубине покоев, безумно хихикала сумасшедшая мать, но у него даже не нашлось сил цыкнуть на неё.

Му Юаньюн тихо бормотал себе под нос:

— Глупый ты малый. Побудь моим щитом ещё немного. Взойду на престол — щедро отблагодарю твою родню... Хотя нет, ты ведь сам виноват, глупец. Верил каждому встречному. Стоило мне разыграть наивного простака, как ты развесил уши и сам прыгнул в петлю...

Он долго ворчал в пустоту, почёсывая щёку от скуки:

— Ну и где он бродит?

Помяни чёрта, он и появится. В дверях показался управляющий У с фучэнем в руках и слугами, несущими новые дары от государя:

— Ах, Тринадцатый принц! Зачем же вы уселись прямо на порог? Здесь же пылица!

У Си заботливо поднял мальчика на руки. Му Юаньюн беззаботно улыбнулся и заглянул ему в лицо:

— Сяо Маньтоу оказался непослушным. Он обманул меня, и я велел забить его насмерть. Теперь мне нужен новый слуга, послушный. Только на этот раз я выберу его сам.

<http://bllate.org/book/18226/1751809>